

одну из самых характерных особенностей армянской средневековой архитектуры вообще. Наоборот, в византийской архитектуре (и в столичной и в греческой провинциальной) и в архитектуре греческих центров в Малой Азии (Трапезунт),¹ как и в архитектуре Грузии (в противоположность соседней Армении), — свободно стоящие устои обычны и обязательны. Даже в Херсоне (Херсонесе), в XIII в. уже разобщенном с Византией, но где византийское влияние в культовой феодальной архитектуре еще по традиции сказывалось, эта особенность присуща всем его храмам того времени.² Наконец, характерна и такая черта, как сплошной, в виде глухой стены, восточный фасад, на котором алтарные полукружия совершенно не выделены и не выступают. Такая система была единственной принятой в Армении, в противоположность опять-таки византийской архитектуре, где восточные полукружия снаружи всегда объемны. В подтверждение сказанного можно сослаться на множество памятников армянской культовой архитектуры XII—XIII вв., хотя бы на указанные, где все отмеченные черты наблюдаются постоянно.³

Храм Сурб-Хач имеет вместе с тем и отличия, свои особенности. Так, обработка многогранного барабана, расчлененного по граням на вставленные одна в другую филенки, не встречается в Армении и, наоборот, типична именно для византийской архитектуры; именно там принцип глубоко расчлененного фасада, лишенного монолитности и трактованного как система устоев, соединенных тонкими перегородками и как бы уведенных на задний план, являлся руководящим, начиная, по крайней мере, с XI в.⁴ Однако расчленение это в Сурб-Хаче, во-первых, плоскостное, во-вторых, — применено только на барабане (стены храма совершенно плоскостны и монолитны); о последовательном применении византийского художественного приема во всем здании повтому не может быть и речи: это лишь слабый отзвук определенной системы, к тому же отраженной в Крыму не только в Сурб-Хаче. Ту же расчлененность, притом столь же плоскостную, мы наблюдаем в храме близ сел. Лака (в 12 км от Бахчисарая) XIII в. и в некоторых храмах Херсонеса того же времени.⁵ Это была местная переработка некогда модных столичных архитектурно-художественных приемов, оставшихся чуждыми зодчим Крыма и воспринятых ими чисто внешне. К началу XIV в. указанная черта уже успела, повидимому, приобрести местный крымский облик.

Эта особенность, уже утратившая черты собственно византийской системы, сочетается в Сурб-Хаче с местной техникой всего здания, построенного из бутового камня. Уже одно это с несомненностью указывает, что строителями храма были местные артели каменщиков, имевшие задание воспроизвести армянскую архитектурную композицию, что они полностью, без отступлений и выполняли в привычной для них технике. Наконец, местный колорит зданию придает и его декорировка: использовав заморские (малоазийские) декоративные мотивы, сельджук-

¹ G. Millet. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, стр. 62—63, 84 сл.

² А. А. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, вып. 17, 1950, стр. 231 сл.

³ См. хотя бы МАК, XIII, чертежи памятников XIII в. на стр. 3, 54, 67, 106, 124, 162. — Н. М. Токарский. Архитектура Древней Армении. Ереван, 1946, стр. 170, 180—182, 187, 267.

⁴ Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв. Виз. вр., т. II (XXVII), 1949, стр. 199, 208—209.

⁵ А. А. Якобсон, ук. соч., стр. 238, 242, 248.